

Постгород (II): воображаемые картографии и политики сопостранственности

Дмитрий Замятин

Доктор культурологии, главный научный сотрудник,
Высшая школа урбанистики им. А. А. Высоковского, факультет городского и регионального
развития, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Адрес: ул. Мясницкая, д. 20, г. Москва, Российская Федерация 101000

E-mail: dzamyatin@hse.ru

Комплексное исследование постурбанизма предполагает с методологической точки зрения когнитивную фиксацию любых пространственных событий как *сопространственных*. Можно говорить о сосуществовании различных когнитивных/онтологических режимов в постгородской реальности, которые сами также могут быть названы сопостранственными. Сопостранственности, понятые как коммуникативно-событийные узлы, могут рассматриваться как элементы прототипической образной карты постгородского пространства. Постгородские геокультуры, продуцирующие множества картографий воображения, принципиально гетеротопичны. Различные сообщества становятся постгородскими, формируя свои трансверсальные картографии воображения, постоянно множась, становящиеся всё более сопостранственными и, соответственно, порождая этим постполитики, которые направлены на ускоряющееся множественное рассредоточение коммуникативных событий. Постгородские сообщества создают постполитические ситуации, в которых картографии воображения становятся основами новых городских ландшафтов или же новых геокультур. Постгород развивает практики и процессы гетеротекстуальности, когда тексты отдельных геокультур не предполагают некоего единого пространства чтения, плана значения и плана выражения, а становятся лишь ландшафтными модуляциями, имманентными воображаемым картографиям. Всякая постгородская картография воображения поддерживает особые ландшафтные режимы, которые создают свои реальности материально-ментального характера. Любую картографию воображения можно феноменологизировать как линию, становящуюся определённой идентичностью отдельных личностей и сообществ. Постномадические мобильности ведут к сосуществованию множеств таких картографий, чьи событийные сопостранственности создают постполитические сообщества, манипулирующие разницей «скоростей» множественных коммуникативных дискурсов. Создание всё новых и новых картографий воображения формирует постурбанизм как искусство детальных сопостранственностей.

Ключевые слова: постгород, картографии, воображение, сопостранственность, геокультура, гетеротекстуальность, идентичность, постполитика

© Замятин Д. Н., 2019

© Центр фундаментальной социологии, 2019

DOI: 10.17323/1728-192X-2019-1-9-35

* Публикация подготовлена в ходе проведения исследования (№ проекта 19-04-052) в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ)» в 2019 г. и в рамках государственной поддержки ведущих университетов Российской Федерации «5-100».

Цель данного исследования — продолжить изучение феноменов постгорода и постурбанистики в методологическом контексте, сосредоточившись на теме картографий воображения и политик сопостранственности. Как и в предыдущем исследовании, понятие сопостранственности будет находиться в центре нашего внимания, однако теперь мы попытаемся более детально рассмотреть политологические аспекты указанной проблематики. Конкретные задачи исследования: 1) изучить возможность введения в поле политологических ракурсов постурбанистики понятия политики сопостранственности; 2) исследовать взаимосвязи постгородского развития и политик сопостранственности; 3) попытаться выявить значимость/незначимость множественных постгородских картографий воображения в становлении политик сопостранственности¹. Методологическим контекстом для решения всех этих задач является понятие постполитики и его производных (постполитическое, постполитический город и т. д.).

Методология исследования в значительной степени опирается на уже выполненное первичное изучение феномена постгорода с использованием понятий онтологических моделей воображения и сопостранственности². Вместе с тем здесь сделан новый методологический акцент, соединяющий философско-методологическую проблематику «ризомы» в контексте постгородского развития с темой ментального (когнитивного) и воображаемого картографирования, становящейся всё более актуальной для многих социальных и гуманитарных наук. В соответствии с заявленным методологическим подходом, фундаментальное значение для настоящего исследования имеют работы Ж. Делёза и Ф. Гваттари (Делёз, Гваттари, 2008, 2010), Ж. Бодрийяра (Бодрийяр, 2000, 2015), К. Линча (Линч, 1982), А. Лефевра (Лефевр, 2015), Ф. Джеймисона (Jameson, 1988), Б. Андерсона (Андерсон, 2001), Р. Флэтли (Flatley, 2008), Э. Свингедоува (Swyngedouw, 2007, 2009).

1. *Множественность* постгородских картографий воображения является принципиальным моментом — как в силу непосредственной связи с постгородскими сопостранственностями (развитие отдельных сопостранственностей предполагает становление специфических ментальных картографий), так и в силу множественности самих онтологий постурбанизма, формирующих соответствующие онтологические модели воображения (имагинально-онтологические модели), одной из которых является карта воображения, или образная (образно-географическая) карта.

2. Дать полное и в то же время точное общее определение постгорода пока довольно сложно. В моей предыдущей работе, посвященной постгороду, я попытался, исходя из истории изучения проблемы, моих представлений и принятых мной методологических подходов, сформулировать частные определения: «Постгород может быть репрезентирован онтологически достаточно исчерпывающе как *номадическая постгеография „мест“* (где в качестве „мест“ могут рассматриваться конкретные, уникальные, здесь-и-сейчас „случающиеся“ сопостранственности) или — иначе — как *постномадическая география*, в которой феноменологически фиксируются не собственно какие-либо движения, передвижения и соответствующие им субстанциальные атрибуты, нацеленные на понимание направленности, ориентации, пункта выхода и пункта постижения, но сама по себе онтологическая экзистенция движения, обозначающая — так или иначе — постгородские реальности» (Замятин, 2018: 157); «Постгород — это пространства пересекающихся, взаимодействующих, налагающихся друг на друга картографий воображения, множества которых постоянно расширяются, увеличиваются, создавая тем самым все новые и новые постгородские пространства» (Там же: 158). Далее я постараюсь как развить эти первоначальные определения, так и попробовать предложить другие интерпретации понятия постгорода — исходя из задач, поставленных в настоящем исследовании.

Ключевые регистры изучения феномена постгорода

Феномен постгорода³ предполагает его изучение как минимум в трёх регистрах. Попытаемся в первом приближении кратко их охарактеризовать — с тем чтобы далее интерпретировать эти обобщенные, генерализованные представления с точки зрения формирования новых или других пространственностей, создающих, в свою очередь, условия для развития принципиально новых фундаментальных онтологий человеческих сообществ.

Первый из них связан с эпистемологическим допущением, что это явление в каждый или любой момент времени проектируется в будущее, в условные области времени, в которых возможны его разнообразные логические, содержательные, визуальные развёртки (модели или образы) с той или иной степенью уверенности и обоснованности. Такой подход имеет свои преимущества, поскольку он позволяет как бы уйти в отрыв от доминирующих в настоящем урбанистических образов. Понятно, что в этом контексте, как правило, чаще всего могут развиваться, трансформироваться и перетекать одна в другую различного рода технофутуристские версии вкупе с морально-этическими дополнениями, рецепциями и проекциями. Существенно, что в этом направлении научные исследования поддерживаются значительной литературой в жанре fiction — фантастической и научно-фантастической.

Второй регистр исследования явления постгорода сконцентрирован на определённой мысленной экономике и, принимая значимость мощных технологических революций, меняющих образ современного города, ориентирован в большей степени на незамедлительный переход к рассмотрению альтернативных онтологий постурбанистического развития. Здесь предполагается, что постгород — это иная онтология воображения, нежели онтологии, сформированные как в рамках модерна или же достаточно осторожных концепций глобализации и постмодерна. По всей видимости, такой подход является в ещё большей степени футуристическим, нежели первый, однако его важное преимущество состоит в укрупнении наиболее существенных социокультурных трансформаций урбанизма, выделении их в автономное проблемное поле и в дальнейшем проецировании на казавшиеся длительные историческое время незыблемыми онтологические представления модерна. Этот регистр может быть назван социокультурным или антропологическим.

Третий регистр возможных исследований постурбанизма опирается на очередное эпистемологическое расширение, в рамках которого понятие или концепт постгорода может интерпретироваться как основополагающий для изучения стремительных трансформаций современных человеческих сообществ как таковых. Предполагается, что сквозь онтологическую «призму» концепта постгорода можно эффективно исследовать большинство ключевых проблем человечества, акцен-

3. Здесь и далее я понимаю постгород не как феномен постмодерна, а как принципиально новое явление в жизни человеческих сообществ, характеризующее в известной мере онтологический разрыв со всеми до сих пор существовавшими в истории городскими традициями (см. также сн. 7).

тируя внимание прежде всего на экзистенциальных условиях продолжения или же радикальных изменений в человеческой социальности и коммуникативности. В известной мере этот подход также корреспондирует с различного рода технофутуристскими версиями развития человечества, однако его суть — в сильном смещении исследовательской «оптики»: мы наблюдаем в данном случае мощную когнитивную метонимию, с помощью которой достигается быстрое приближение к сущностной проблематике главных смыслов человеческой жизни.

Базовые положения и основные понятия исследования

Понятие сопространственности позволяет в той или иной степени использовать все выделенные нами генерализованные эпистемологические подходы, поскольку целостное или комплексное исследование постурбанизма предполагает с методологической точки зрения когнитивную фиксацию любых пространственных событий как *сопространственных* (Замятин, 2011, 2012a, 2012b, 2012c; Edlund, Al Moubayed, Beskow, 2011; Lee et al., 2014). Это онтологическое допущение сочетается также с метадискурсивным базисом фактически любой (пост)городской реальности, детерриториализующим и ретерриториализующим одновременно всякие локальные/территориальные процессы и практики, что означает в онтологическом смысле транзитный, переходный характер (онтологический статус) любого места (Делёз, Гваттари, 2008, 2010). По всей видимости, можно говорить о сосуществовании различных когнитивных/онтологических режимов в постгородской реальности, которые сами также могут быть названы сопространственными.

Исходя из этого допущения, мы попытаемся далее сформулировать в первом приближении ключевые положения имагинально-онтологического картографирования постгорода. Здесь будет важно отметить, что поставленная цель предполагает также исследование сопространственных политик постурбанизма, поскольку кардинальные онтологические и эпистемологические трансформации городских пространств ведут, по сути, и к пересмотру собственно политических/полисных оснований городских коммуникаций и взаимодействий (Замятин, 2018). Это, в свою очередь, способствует когнитивному совмещению понятий «картография воображения»/«воображаемая картография» и «политики сопространственности»/«сопространственные политики» в контексте постгородских штудий.

Итак, *картография воображения* в нашем понимании означает специфические когнитивные процедуры дистанцирования от определённых/конкретных мест, имеющих или приобретающих географические, физические, психологические, социокультурные, политические, метафизические параметры/свойства, а также включения таких «постмест» в соответствующие имагинальные сети, обладающие онтологическими характеристиками (Линч, 1982; Дебор, 2017; Лефевр, 2015; Бодрийяр, 2000, 2015; Alpers, 1983; Jameson, 1988; Андерсон, 2001; Winichakul, 1994; Black, 2000; Вульф, 2003; Woodward, 1987; Alfrey, Daniels, 1990; Hillis, 1994; Pinder,

1996; Lewis, Wigen, 1997; Rogoff, 2000; Turchi, 2004; Harmon, 2004; Dalby, 2007; Flatley, 2008; Cosgrove, 2005, 2008; Smith, 2008; Thompson, 2009; Bird et al., 2012; Sutton, 2015; Kent, Vujakovic, 2016; MacArthur, 2016)⁴. Подобные картографии воображения могут принадлежать (или присваиваться) как отдельным личностям, так и группам или сообществам, в некотором пределе они могут становиться также элементами массовой культуры в широком смысле слова. Существенно заметить, что по отношению к картографиям воображения вряд ли можно применить бинарную оппозицию внутреннее/внешнее, поскольку они являются одновременно частью определённых представлений (в феноменологическом плане) и частью характерных решений, действий, процессов и практик, имеющих онтологический базис. Иначе говоря, любой фрагмент какой-либо картографии воображения может рассматриваться как целостная имагинально-онтологическая модель, потенциально разворачиваемая как в «материальном», так и в «ментальном» мирах.

Политики сопространственности понимаются нами как ризоматические воспроизводящиеся структуры решений, процессов, действий, практик, ориентированные на выявление несопоставимых первоначально различных пространственных дискурсов и дальнейшее построение стратегий, так или иначе пытающихся согласовать — в онтологическом или феноменологическом смыслах — данные дискурсы во вновь создаваемых проектных полях (Замятин, 2012в; Zamyatin, 2014)⁵. Как ключевую особенность политик сопространственности можно рассматривать их ризоматический характер, что означает заведомую нечёткость, размытость, географическую «неточность» их территориальных маркеров и параметров, а также отсутствие чётких функциональных специализаций и разделений по целям, задачам, объектам и предметам. Политики сопространственности предполагают отсутствие явного территориального масштабирования и территориальной иерархизации; соединение в любом проектном поле ранее несопоставимых/несовместимых объектов, включая их онтологический статус; создание проектных полей с гетеротопической «оптикой», репрезентируемых в рамках тех или иных картографий воображения.

Так или иначе, постгород рассматривается нами как ранее никогда не существовавшая пространственно-демографическая система, обладающая принципиально новыми онтологическими и феноменологическими признаками. Эта система (или «ризома») не предполагает деления на город и сельскую местность, однако

4. Здесь и далее я рассматриваю термины «картографии воображения» и «имагинально-онтологические картографии» как синонимические, поскольку любое воображение, так или иначе, обладает определённой специфической онтологией. В научной литературе также как синонимы часто рассматриваются термины «когнитивное картографирование» и «ментальное картографирование». В данной работе я чаще всего слеую этой традиции, хотя, на мой взгляд, когнитивное картографирование может пониматься и более узко, чем ментальное картографирование, и быть его частью.

5. В англоязычном научном дискурсе в настоящее время наиболее распространены концепты «пространственная политика», «политика пространства», «пространственность политики» с опорой на основополагающие работы А. Лефевра (Stewart; Elden, 2007; Leitner et al., 2008); понятие «политика сопространственности» пока не используется.

она не предполагает и экстенсивное распространение тотальной планетарной урбанизации (что является достаточно популярной версией урбанизма в целом) (Brenner, Schmid, 2012, 2014; Ruddick, 2015; Buckley, Strauss, 2016; Goonewardena, 2018). Сопространственности всякого конкретного места расселения в контексте продолжающихся технологических революций и постномадизма (Замятин, 2018) способствуют фрагментарности, очевидной неполноте любой территориально-планировочной или управленческой политики. В то же время любой властный дискурс, фиксируемый ранее в специфических институциональных локусах, становится и в онтологическом, и в феноменологическом планах пространственно рассредоточенным и множественным (Хардт, Негри, 2006; Вирно, 2013). Властные отношения проявляют себя прежде всего как транслокальные (Appadurai, 1995; 1996: 186; Smith, 2001; Sinatti, 2008; Freitag, von Oppen, 2010; Brickell, Datta, 2011; Greiner, Sakdapolrak, 2013), или панлокальные, чей источник локализовать точно практически невозможно, несмотря на постоянно растущие объемы информации и наличие сохраняющихся институциональных иерархий господства. Наряду с этим происходит формирование постгородских политий⁶ и практик, не связанных с официальными властными структурами и репрезентируемых сообществами или отдельными личностями, которые в первом приближении можно охарактеризовать как гетеротопические. Успешность и результативность той или иной политики в постгородских проектных полях может определяться способностью разрабатывать оригинальные картографии воображения, в рамках которых можно моделировать конкретные сопространственности (события, чей пространственный статус подтверждается соответствующими имагинальными координатами — в том числе и виртуальными).

Специфика постгородских картографий воображения

Процедуры материального и ментального дистанцирования являются основополагающими для всякой культуры или цивилизации, формирующей свою образную «картину мира». Естественно, что свои воображаемые картографии создают большинство известных культур, которые, видимо, лучше называть геокультурами (Wallerstein, 1991; Замятин, 2002; Кузнецов, 2003; Поляк, 2004; Rozov 2012; Замятин, Романова, 2017). Построение таких картографий воображения, разумеется, требует соответствующих, хорошо разработанных способов репрезентации и интерпретации образов — геокультурных, геополитических, геоидеологических, геоэкономических и т. д. Эпоха модерна в известной степени способствовала разработке подобных способов — в основном в контексте национальных традиций

6. Понятие постгородских политик (post-urban politics, post-city politics) системно пока отсутствует в англоязычном научном дискурсе. Основные упоминания этой темы связаны с проблематикой права на город, перераспределения управления в глобальном политэкономическом смысле на локальные и городские уровни и расширения участия граждан в городских проектах и практиках управления (urban governance, urban policies). В значительной мере вся эта тематика собрана в концепции «Post-political City» британского географа E. Swyngedouw (Mayer, 2009; Wilson, Swyngedouw, 2014).

и идеологий состоявшихся национальных государств, а также в контексте территорий, этносов и геокультур, не обретших по тем или иным причинам своей государственности. Важно отметить также, что картографии воображения могут интенсивно развиваться и за пределами узких национальных или геокультурных традиций — например, в рамках масштабных геополитических и геоэтнокультурных идеологий: хорошие примеры тому пантюркизм и «Великий Туран» или же панславизм и «Славия». В любом случае национальный конструктивизм и быстрое развитие национализмов в XIX–XX веках послужили когнитивными триггерами для становления самой проблематики картографий воображения (Андерсон, 2001).

Тема постурбанизма и постгорода порождает несколько иные контексты развития картографий воображения — прежде всего в онтологическом смысле. Если предположить, что когнитивной базой динамичных картографий воображения является в первую очередь стремление к расширению и перестройке уже сложившихся, довольно статичных и «застывших» картин мира (места, района, города, страны и т. д.), не позволяющих получать тем или иным способом материальные и ментальные прибыли (включая эмоциональное удовольствие и удовлетворение), то ситуация постурбанизма в первом приближении может рассматриваться как случай очень мощной интенсификации подобной привычной каузальности. Однако, на наш взгляд, эта ситуация выглядит гораздо сложнее, поскольку пространство и пространственность постгорода характеризуются глубокими онтологическими трансформациями, ведущими в итоге к рождению совершенно иных картографий воображения.

Пространство постгорода характеризуется гетеротопичностью и постномадичностью (Dehaene, De Cauter, 2008; Замятин, 2016). Кроме того, постгород формирует принципиально иные коммуникативные сети, которые постоянно меняют свою конфигурацию, узловые тематические «топики» и направления самих коммуникативных потоков. По сути дела, постгородские пространства не являются публичными в смысле городских пространств классического модерна, однако это уже не «упадок публичных пространств» в духе Р. Сеннета (Сеннет, 2002), а совершенно другая публичность, основанная на сопостранственности коммуникативных событий. Немаловажно также, что постгородские пространства во властном и политическом отношениях формируют новые онтологии, задающие ключевые смыслы картографий воображения постурбанизма.

Прототипирование образных карт постгородского пространства

Попробуем описать в обобщённом виде прототип имагинальной (образной) карты постгородского пространства, учитывая её специфические онтологические свойства.

Сопостранственности, понятые как коммуникативно-событийные узлы, могут рассматриваться как узловые элементы прототипической образной карты

постгородского пространства. Подобные узловые элементы в семиотическом и семантическом отношениях являются гетерогенными и неоднородными, феноменологически репрезентируя «невидимую» материально-ментальную целостность постгородской реальности. Вместе с тем именно постгородские сопостранственности, фиксируемые вербально и визуально бесчисленными текстами и изображениями («картинками»), а также запахами, звуками и тактильными ощущениями, в онтологическом плане «сигнализируют» о постоянных пограничных, фронтирных состояниях любых картографий воображения, чей узловой смысл (смыслы) обозначает всякий раз указание на что-то ещё, выходящее за пределы локальных аффектов, материальных и ментальных свидетельств. Иначе говоря, образная карта постгородского пространства кажется как бы перманентно «смазанной», нечёткой, расплывчатой, сопостранственной самой себе в попытках тех или иных акторов (социальных или политических агентов) достичь «внятной» репрезентации событийного образа.

По всей видимости, постгородские картографии воображения обладают высокой степенью иммерсивности, в чём они во многом схожи с цифровыми средами и реальностями (Hale, Stanney, 2015; Хансен, 2013; Гаврилов, 2013; Замков, 2017). В то же время «погружение» в воображение постгорода нельзя рассматривать, с нашей точки зрения, как ещё одну разновидность «дополненной реальности» — условно, к некоей базовой и заранее признаваемой «истинной реальности» городской повседневности. Карта постгородского воображения представляет собой своего рода «вспышку», эксплозию, взрыв традиционных знаково-символических форм, смещаемых и трансформируемых настолько, чтобы заметить, «узреть», успеть зафиксировать каким-либо способом эксцентрику конкретного места в городе. Отрицание центральности, не-центральность, сплошная периферийность и маргинальность, своеобразная пустота любого центра, центральность как «ничтожность» («не-таковость» в другом изводе) — ключевые черты подобной карты.

Постгородские геокультуры, продуцирующие множества картографий воображения, принципиально гетеротопичны, что позволяет говорить о взаимно пересекающихся, «сросшихся», гибридных образных картах постгорода. Возможно, лучше говорить о постгородских картах-ризоме, демонстрирующих уникальные сопостранственные валидности в отношении как традиционных городских центров, так и типичных спальных окраин. На такие карты-ризомы выносятся, как правило, субстанциальные качества городских сред, способствующих либо ускоренному движению, мобильности, проходимости, повышенной деятельностной интенсивности (в простейшем виде это уже показывают суточные карты городского трафика или звонков мобильных сетей, как наиболее популярные примеры бурно развивающихся big data) (Manovich, 2001; Манович, 2017), либо, наоборот, выявляющих препятствия, барьерность, непроходимость или затруднённость передвижений, в идеале — статичные «омуты» пустотности. Однако «большие данные», показывающие определённые универсальные качества городских сред, остаются лишь внешней оболочкой подобных карт, когнитивным стимулом и обо-

снованием создания постгородских картографий воображения, нацеленных на не-политические способы производства реальности (Indaco, Manovich, 2016). Постгород становится не-политическим в силу онтологической невозможности собрать, обработать, проанализировать множества сопространственных событий, направленных именно на рассредоточение, рассеяние, *со-отсутствие* любого коммуникативного акта на фоне уже происходящего другого. Не-политичность постгородских пространств означает и принципиальную онтологическую невозможность позитивного формулирования какого-либо «права на город» (ср.: Лефевр, 2015; Purcell, 2002; Харви, 2008; Mayer, 2009; de Souza, 2010)⁷.

Картографии воображения и процессы детерриторизации/ ретерриторизации постгородского пространства

Появление постгородских образных карт-ризом свидетельствует, что сам постгород в онтологическом плане детерриторизируется как традиционное пространство улиц, домов, площадей, людей, транспортных средств, различного рода потоков. Внешний видимый слой интенсивных событий может рассматриваться как хаотический или как в той или иной степени упорядоченный, управляемый, однако доминируют, преобладают «невидимые» процессы и практики, превращающие территорию в постоянно трансформирующееся «облако» сингулярных действий, фактов и артефактов, репрезентаций и интерпретаций, чья трансверсальность отменяет, сводит к нулю возможности территориальности самой по себе (Делёз, Гваттари, 2010: 523–546). По сути дела, каждый элемент такой картографии воображения становится вектором становления другой картографии, не являющейся пограничной по отношению к предыдущей, коль скоро они обоюдно «невидимы» друг для друга — и метафизически, и онтологически. Феноменология подобных карт оказывается тождественна онтологии самой территории, фактически «исчезающей» в процессе самого картографирования: карта теперь фактически равна территории (ср. в контексте общей семантики [Korzybski, 1994; ср.: England, 2001,

7. Это, однако, не означает, что невозможно утверждать «право» на постгородские реальности или на сопространственности. На мой взгляд, в случае постгорода можно говорить о праве на сопространственность отдельных людей, сообществ и субкультур, но это, скорее, проблема не политической демократии, а онтологии воображения, репрезентируемой как видимыми взгляду гетеротопиями, так и специфическими, принципиально множественными, картографиями воображения. Современное искусство, в частности, стрит-арт, активно действующее в различных городских средах, может часто оцениваться как его создателями, так и потребителями, сторонниками или противниками в условном регистре борьбы за «право на город», однако и здесь речь может идти, скорее, о конкурирующих, противоборствующих картографиях воображения, чьими визуальными, «надводными частями айсберга» могут быть, например, те или иные граффити или художественные акции. Сами художники могут работать в городском пространстве в логике «права на город», не осознавая, что их произведения могут быть элементом более общих, не выведенных на «поверхность сознания» постгородских картографий воображения.

2002], а также концепции симулякра [Бодрийяр, 2000, 2015]), но уже отсутствующей в со-бытийной плоскости⁸.

Возможна ли тогда ретерриторизация в рамках постгородских имагинально-онтологических моделей, возможны ли соответствующие воображаемые картографии? Если этимологически территория в латинском языке возникает как окультуренное пространство вокруг города, *urbs*, и тем самым как бы ограниченное городом, то мы вправе сказать, что постгородское воображение онтологически возвращается к исходной точке мышления о городе и территории, о политике города по отношению к территории, окружающей его. В феноменологическом ключе можно говорить об инволюции города как такового, ведущей к «онтологическому завоеванию» территорией (в типологическом значении) или территориями как уникальными множествами, города как «пустого пространства». Условная пустота изначального *urbs* фиксировалась, как правило, некоей сакральной защищенностью от внешних влияний и вторжений, постепенно снижающейся и фактически исчезающей на протяжении урбанистической истории (Orsi, 1999; Livezey, 2000; Day, 2014; Numrich, Elfriede, 2015; Hanson, 2016; Czepczyński, Sooväli-Sepping, 2016; Gil-Mastalerczyk, 2016). Территория как бы расколдовывает город в веберинском смысле, город становится мощной территориальностью, проявляющейся в развитии огромных агломераций и мегаполисов.

Интенсивная городская территориальность модерна не имеет отношения к классическому городу, что уже анализировалось нами ранее (Замятин, 2018). Стремительная «профанизация» городских пространств и упадок прежних городских сакральностей означает, что теперь «пустым» оказывается пространство за пределами городских агломераций и конурбаций, хотя бы оно постоянно захватывалось всё новыми и новыми таунхаусами, дачными или коттеджными поселками, торгово-развлекательными центрами или чем-то иным (Колхас, 2015). Миф о глобальной или планетарной урбанизации в онтологическом смысле является историей о тотальной дезурбанизации и неосознанных еще полностью переходах к постгородским вариантам развития.

8. В рамках концепции симулякра Ж. Бодрийяра карта предшествует территории, однако это может быть верным только в контексте прямого наследования (онтологического, феноменологического и семиотического) постмодерна модерну. С моей точки зрения, постгород не является «прямым наследником» города модерна — скорее, как имагинально-онтологическая модель он представляет собой симультанный онтологический разрыв с городскими традициями древности, Средневековья, модерна. Такой разрыв характеризуется, с одной стороны, отождествлением карты с самой территорией, а с другой стороны, распадом устоявшейся бинарной оппозиции — карта фактически уже не соотносима с территорией, коль скоро сама территория может изначально мыслиться как карта, быть картой — или иначе, *воображаться картой онтологически*. В этом смысле постгород не является постмодерным городом или городом постмодерна.

Постгородские сопространственности и постполитики

Картографии воображения постгородских пространств в той или иной мере, как правило, дистанцированы от традиционных урбанизированных, субурбанизированных или же сельских местностей и территорий. Понятно, что московским, нью-йоркским, парижским, урюпинским может быть назван феномен, бытующий где угодно и феноменологически возводимый к определённым локальным урбанистическим событиям. Сопространственная пограничность различных, не соприкасающихся постоянно множеств и потоков формирует «случайные» политики материально-ментального характера, ориентированные на поиск и нахождение новых точек, локусов сакральности, не связанных с традиционным или модерным пониманием религиозности и процессов сакрализации.

Здесь мы вновь возвращаемся к понятию политик сопространственности. По всей вероятности, стоит говорить уже не о политиках, а о постполитиках, поскольку традиционное понимание политики и политик недостаточно, на наш взгляд, для анализа постгородских картографий воображения (Mayer, 1994; Жижек, 2014; Ranciere, 2004; Mouffe, 2005; Dikec, 2005; Swyngedouw, 2009; Oosterlynck, 2010; Wilson, Swyngedouw, 2014). Различные множества — например, городские сообщества, но и пригородные сообщества, или же сельские — в сохраняющихся официальных названиях — становятся постгородскими, формируя свои неортодоксальные трансверсальные картографии воображения, постоянно множась, расширяющиеся, увеличивающие количество измерений, становящиеся всё более сопространственными и, соответственно, порождая этим постполитики — мышление, решения, процессы и практики, направленные на ускоряющееся множественное рассредоточение коммуникативных событий, фиксируемых, как своего рода «криптовалюты», с помощью умножающихся параллельных локусов, играющих роль «блокчейна». Вместе с тем именно такие постполитики, сопространственные онтологически, способствуют возникновению нового понимания сакральности, ориентированного на точечные «вспышки» постгородской трансцендентности.

Постгородские сообщества в онтологическом плане не-политичны, если иметь в виду феноменологию и семантику политики в её древнегреческом генезисе, развиваемые далее западным модерном всё более и более детально (Вернан, 1988; Hansen, 1998; Arnason, Raaflaub, Wagner, 2013). Они создают постполитические ситуации, в которых картографии воображения становятся основами новых городских ландшафтов или же новых геокультур. Такая интерпретация может быть понятна, если осмыслить логику политических констелляций в рамках классического полисного мышления, ориентированного, скорее, на совместности, диктующие те или иные точечные локусы поведения и действия, нежели сопространственности. Постгородские геокультуры формируются как линии, «оборачивающие», оконтуривающие, «упаковывающие» множественные постгородские сообщества, демонстрирующие, проживающие и переживающие свои аффекты — статично,

медленно или быстро — вне традиционных субстанций городской динамики хаоса и порядка, узлов и потоков.

Постгородские геокультуры и гетеротекстуальность

Ретерриторизация постгородских геокультур происходит как онтологическая сборка «невидимых» (городу) событий, фиксируемых или идентифицируемых в качестве сакральных⁹ и «рисующих» тем самым новые картографии воображения. Сообщества, обосновывая и «оборачивая» себя такими картографиями, одновременно создают и строят себя как постоянно ускользающие линии подменяющих и заменяющих друг друга сопостранственностей. Большой город модерна, «метрополис», который методологически было удобно рассматривать как палимпсест, в материальном или же ментальном контексте (Harvey, 1989: 66; Marcuse, 1995; Ellin, 1999; Engbersen, 2001; Huyssen, 2003; Powell, 2008; Митин, 2008), является первоначальной «родиной» подобной ретерриторизации, однако именно этот процесс способствует его онтологическому распаду; «палимпсест» постепенно перестает воображаться и восприниматься, поскольку исчезает онтологическое единство самого чтения городского пространства в его слитности, неразделимости, несомненной стратиграфичности.

Картографии постгородского воображения не формируют городских текстов, не создают город-как-текст или город как множество текстов, в чём-то пересекающихся и взаимодействующих (ср.: Степанов, 2016). Если город представим как постоянно расширяющееся, репрезентирующееся и интерпретирующееся текстовое пространство, пространство вновь возникающих текстов, остающееся тем не менее единым в его воображении и чтении (Топоров, 2003; Абашев, 2000; Скибинская, Ховрина, 2014), то постгород создает и развивает практики и процессы *гетеротекстуальности*¹⁰, когда тексты отдельных геокультур не предполагают

9. Сакральность такого события может быть совсем не очевидной с точки зрения традиционного понимания сакрального и сакральности в древних, средневековых и современных обществах. В данном случае в качестве сакральных могут быть идентифицированы события, экзистенциально значимые для жизни отдельных людей или сообществ и могущие принципиально изменить привычную жизненную телеологию. Подобную сакральность можно назвать рассредоточенной или рассеянной, поскольку ее проявления («эпифании») могут быть не связаны с постоянным местом, определенным сакральным зданием или сооружением и постоянно воспроизводимыми ритуалами. Между тем любое такое событие может быть связано с повседневными рутинными практиками, внезапно нарушая их устоявшийся ход и резко меняя стабильную прежде, индивидуальную или групповую, «картину мира» и ее образную карту.

10. На данный момент в русскоязычном научном дискурсе это понятие отсутствует. В англоязычном научном дискурсе понятие гетеротекстуальности используется крайне редко, разрозненно и эпизодично, при этом системной интерпретации термина не существует. Нами обнаружены единичные случаи употребления этого термина в филологии, коммуникативных исследованиях и педагогических исследованиях (Walker, 1990; Kimball, 1992: 31; Tobin, 1996; Kehler, Greig, 2005: 351-370; Cupples, Thompson, 2010: 1-17). Гетеротекстуальность следует рассматривать в более широком методологическом контексте, как несомненное проявление гетерологии и принципа множественности в описании и объяснении мира (миров) (Керимов, 2011; Керимов, Бурбулис, 2015). На наш взгляд, понятие гете-

некоего единого пространства чтения, плана содержания и плана выражения, а становятся лишь в плане консистенции как различные по онтологической скорости или медленности, по сочетанию аффектов ландшафтные модуляции, имманентные ускользающим друг от друга картографиям — читаемым лишь на линии их разрыва и расхождения. *Гетеротекстуальность* оказывается перманентной феноменологической границей множественных картографий воображения постгорода, непрерывно фиксирующей также постполитичность его каких бы то ни было сообществ.

Планирование постгородских сопостранственностей: «лучевые» картографии

Как возможно территориальное планирование или же районирование постгородских сопостранственностей? Всякая постгородская картография воображения порождает и поддерживает особые ландшафтные режимы¹¹, которые, в свою очередь, создают свои реальности материально-ментального характера. Различные картографии, как правило, практически «невидимы» друг другу, хотя они могут закрепляться соответствующими «материальными свидетельствами», часто сосуществующими рядом. Однако порядки сопостранственностей могут не согласовываться и не соответствовать порядкам мест, что ведёт к формированию множеств «слепых зон» или «серых районов», фиксирующих, по-видимому, не-схождения, не-репрезентации разных картографий воображения. Теория не-репрезентаций (Thrift, 2007) в этом контексте крайне важна для понимания закономерностей развития подобных картографий, поскольку подтверждает невозможность создания сплошных, полных схем территориального планирования постгородских реальностей.

Тем не менее если вспомнить этимологию слова «район», то в случае постгорода можно говорить о «пучках» картографий воображения, каждая из которых представляет собой «луч», ускользающий от всех остальных: такие лучевые линии формируют принципиально фрагментарную, «раскиданную», расходящуюся планировку постгородского пространства, в каждой условной точке которого можно наблюдать лишь некоторые, но не все, картографии, сопровождаемые также «слепыми зонами». Планировщик здесь может быть своего рода картографом воображения, изначально ориентированным на построение, рисование несопоставимых, несочетаемых карт, являющееся онтологическим условием постгородского развития. Постгородское пространство, таким образом, не репрезентируется в любой

ротекстуальности может быть эффективным в междисциплинарных и комплексных гуманитарных и социальных исследованиях. Здесь мною делается попытка интерпретировать данное понятие в контексте междисциплинарной урбанистики.

11. Понятие ландшафтного режима в городских исследованиях пока не используется. Существуют лишь единичные работы, посвященные ландшафтным режимам в целом (институциональный контекст и ландшафтные конфликты) (Knoepfel, Gerber, 2008).

своей точке, но, скорее, онтологизируется посредством линий-лучей ускользания, маркирующих скоростные градиенты картографического воображения.

Сопространственные идентичности и постгородские властные отношения

Как становятся идентичности, связанные с и «нанизанные» на постгородские картографии воображения? Вероятно, стоит сосредоточиться на проблематике власти, оперирующей такими картографиями. «Право на постгород» не может существовать уже потому, что постгородские сопространственности не могут рассматриваться как зоны производства властных отношений, оперирующих жесткими территориальными разграничениями и районами господства и ответственности. Несмотря на это, любую картографию воображения можно феноменологизировать как «лучевую волость» — как линию, становящуюся определённой идентичностью — отдельных личностей и сообществ. Чем больше появляется постгородских картографий воображения, чем более они связаны с всё более виртуализирующимися сетевыми технологиями, тем более властными становятся солидаризирующиеся с ними идентичности — не обязательно даже производящие соответствующий контент, но интенсивно его потребляющие и распространяющие. Постоянно ускоряющаяся сегментация подобных «постгородских волостей» сопровождается формированием сопространственных идентичностей, направленных, по сути, на «картографирование» самих себя как коммуникативных сопространственностей, чьё воображение во многом работает над становлением «тела-без-органов» — телесности, реализующейся с помощью отказа от традиционных современных властных репрезентаций.

Сопространственные идентичности могут активно конструироваться и развиваться в рамках современного/актуального искусства, тяготеющего к гетеротопическим ландшафтам постгородского воображения. Современный художник часто рассматривает себя как актёра, работающего с городскими локальностями, которые посредством художественных проектов трансформируются в «расходящиеся» картографии воображения — такие феноменологические переходы обозначают одновременно и становление новых постгородских сопространственностей, и формирование новых онтологий постгородских сообществ (O'Rourke, 2013; Thor, 2015; Смирнов, 2016; Поносов, 2016). Стратегии современного искусства оказываются важными реперными точками «сопространственного поворота», характеризующегося решающим соединением возрастающей перформативности постгородских сообществ (в том числе с помощью новых медиа) и коммуникативных технологий, коренным образом меняющих онтологию пространственности.

*Становление-сопространственностью*¹² находится в центре «невидимого» онтологического циклона (ср.: Нильсен, 2004), формирующего нетрадиционные

12. В данном случае я сознательно ставлю дефис, соединяя два слова, и использую творительный падеж по отношению к сопространственности: сопространственность, на мой взгляд, представляет

конфигурации постгородских картографий воображения. Крайне интенсивные и постоянно увеличивающиеся, постномадические мобильности — не только физические, но и метафизические — ведут к сосуществованию множеств таких картографий, чьи событийные сопространственности и создают *постполитические сообщества*, манипулирующие разницеми «скоростей» множественных коммуникативных дискурсов. Регулирование этих скоростных разниц, определяющих невидимые динамичные гетеротопии постгородских реальностей, является предметом новых властных отношений — не политических, а сопространственных. Подобное имагинально-онтологическое регулирование в феноменологическом плане сходно с деятельностью актуального искусства и *street art*, являясь своего рода планомерным, последовательным сопространственным «акционизмом» (Riggle, 2010; Поносов, 2016; Avramidis, Tsilimpounidi, 2017): разработка и создание всё новых и новых картографий воображения «размазывает» и рассеивает основания современного урбанизма, формируя постурбанизм как искусство детальных сопространственностей.

Проблематика воображаемых картографий, исследованная здесь в первом приближении, позволяет более широко представить дальнейшие направления изучения и интерпретации феноменов постурбанизма и постгорода. Благодаря ей стало возможной более тщательная проработка взаимосвязей постурбанизма и сопространственности. Вместе с тем исследование постгородских картографий воображения свидетельствует о ключевых изменениях в понимании политики и политических отношений как таковых, порождающих, по всей видимости, сферу постполитического, тесно связанную с постурбанизмом. Наконец, можно говорить также и о роли подобных картографий в формировании новых постгородских сообществ и личностей, становящихся активными постполитическими акторами, которые могут целенаправленно действовать как картографы вновь создаваемых постгородских реальностей.

Итак, основные выводы исследования состоят в следующем:

1) Постгородское пространство формируется в динамике множественных картографий воображения, влияющих в том числе на непосредственное планирование реальности (реальных событий).

2) Постгородское пространство можно назвать постполитическим или неполитическим в контексте традиционных политик модерна, однако это означает одновременно становление политик сопространственности, являющихся не оппозицией модерному пониманию политики и политического, а методологической и практической альтернативой.

собой в онтологическом смысле особенный, специфический процесс становления, в котором каждое пространственное различие и различие как бы стирается новым, но всякий раз не до конца, оставляя его как своего рода «мерцающий фон», не исчезающий полностью. Исходя из этого, в феноменологическом контексте сопространственность может пониматься как пространственность, не прошедшая или не проходящая каждый раз до конца онтологический путь становления, и в то же время как своего рода сверх- или гиперпространственность, сосуществующая со всеми возможными образами своего бесконечного становления.

3) Развитие политик сопостранственности в постгородской реальности снижает, так или иначе, актуализированную постмарксизмом проблематику «права на город», поскольку растущая множественность постгородских картографий воображения постоянно «пересоздаёт» реальность, «право» на которую исчезает в момент перехода от одной реальности к другой (проблема simultaneity самих сопостранственностей пока остаётся неизученной).

4) По всей видимости, интенсивное постурбанистическое развитие может быть связано с формированием специфических геокультур, чьими базовыми признаками могут стать постномадичность, гетеротекстуальность и сопостранственность, что предполагает также генезис нового понимания политики и политического за пределами, вне оппозиции модерн — постмодерн.

Литература

- Абашев В. В.* (2000). Пермь как текст: Пермь в русской культуре и литературе XX века. Пермь: Изд-во Пермского ун-та.
- Андерсон Б.* (2001). Воображаемые сообщества: размышления об истоках и распространении национализма / Пер. с англ. В. Г. Николаева. М.: КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле.
- Бодрийяр Ж.* (2000). Символический обмен и смерть / Пер. с нем. С. Н. Зенкина. М.: Добросвет.
- Бодрийяр Ж.* (2015). Симулякры и симуляции / Пер. с франц. А. Качалова. М.: ПОСТУМ.
- Вернан Ж.-П.* (1988). Происхождение древнегреческой мысли. М.: Прогресс.
- Вирно П.* (2013). Грамматика множества: к анализу форм современной жизни / Пер. с ит. А. Г. Петровой под ред. А. А. Пензина. М.: Ad Marginem.
- Вульф Л.* (2003). Изобретая Восточную Европу: карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения / Пер. с англ. И. Федюкина. М.: Новое литературное обозрение.
- Гаврилов А. А.* (2013). Медиареальность как тип виртуальной реальности // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. № 11. С. 45–47.
- Дебор Г.* (2017). Психогеография / Пер. с англ. А. Соколинской. М.: Ад Маргинем Пресс.
- Делёз Ж., Гваттари Ф.* (2008). Анти-Эдип: капитализм и шизофрения / Пер. с франц. Д. Кралечкина. Екатеринбург: У-Фактория.
- Делёз Ж., Гваттари Ф.* (2010). Тысяча плато: капитализм и шизофрения / Пер. с франц. Я. И. Свицкого. Екатеринбург: У-Фактория; М.: Астрель.
- Жижек С.* (2014). Щекотливый субъект: отсутствующий центр политической онтологии / Пер. с англ. С. Щукиной. М.: Дело.
- Замков А. В.* (2017). О виртуальном расширении медиареальности // Медиаскоп. Вып. 3. URL: <http://www.mediascope.ru/2351> (дата доступа: 21.03.2019).

- Замятин Д. Н.* (2002). Геокультура: образ и его интерпретации // Социологический журнал. № 2. С. 5–12.
- Замятин Д. Н.* (2011). Новые онтологии пространства: пространственность, сопостранственность и геоспациализм // Человек. № 6. С. 70–82.
- Замятин Д. Н.* (2012а). Сопостранственность и идентичность // Мир психологии: научно-методический журнал. № 1. С. 104–123.
- Замятин Д. Н.* (2012б). Сопостранственность и идентичность // *Семененко И. С.* (ред.). Политическая идентичность и политика идентичности: словарь терминов и понятий. Т. 1: Идентичность как категория политической науки. М.: РОССПЭН. С. 158–162.
- Замятин Д. Н.* (2012в). Сопостранственность и территориальные идентичности в политическом проекте Модерна // *Семененко И. С.* (ред.). Политическая идентичность и политика идентичности: словарь терминов и понятий. Т. 2: Идентичность и социально-политические изменения в XXI в. М.: РОССПЭН. С. 430–450.
- Замятин Д. Н.* (2016). Постномадизм: пространственные антропологии путешествий // Уральский исторический вестник. № 2. С. 17–26.
- Замятин Д. Н.* (2018). Постгород: пространство и онтологические модели воображения // Политические исследования. № 3. С. 147–165.
- Замятин Д. Н., Романова Е. Н.* (ред.). (2017). Геокультуры Арктики: методология анализа и прикладные исследования. М.: Канон+.
- Керимов Т. Х.* (2011). Бытие и различие: генеалогия и гетерология. М.: Академический проект.
- Керимов Т. Х., Бурбулис Ю. В.* (2015) Ирредукционизм как основной методологический принцип современной социальной онтологии // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. № 11-1. С. 26–28.
- Колхас Р.* (2015). Гигантизм, или Проблема Большого. Город-генерик. Мусорное пространство / Пер. с англ. М. Визеля, С. Ситара, В. Бабицкой. М.: Арт Гид.
- Кузнецов В. Н.* (2003). Геокультура: основы геокультурной динамики безопасности в мире XXI: Культура-Сеть. М.: Книга и бизнес.
- Лефевр А.* (2015). Производство пространства / Пер. с франц. И. Стаф. М.: Strelka Press.
- Линч К.* (1982). Образ города / Пер. с англ. В. Л. Глазычева под ред. А. В. Иконникова. М.: Стройиздат.
- Манович Л.* (2017). Теории софт-культуры. Нижний Новгород: Красная ласточка.
- Митин И.* (2008). Место как палимпсест // 60 параллель. № 4. С. 20–25.
- Нильсен Ф. С.* (2004). Глаз бури. СПб.: Алетейя.
- Поляк В. С.* (2004). Израиль и Россия в XXI веке: Геополитика. Геоэкономика. Геокультура. Тель-Авив: L.I.L. Productions.
- Поносов И.* (2016). Искусство и город: граффити, уличное искусство, активизм. М.: б.и.

- Сеннет Р. (2002). Падение публичного человека / Пер. с англ. О. Исаевой, Е. Рудницкой, Вл. Софронова, К. Чухрукидзе. М.: Логос.
- Скибинская О. Н., Ховрина Т. К. (ред.). (2014). Ярославский текст в пространстве диалога культур: материалы международной научной конференции (Ярославль, 15–16 апреля 2014 г.). Ярославль: Изд-во РИО ЯГПУ.
- Смирнов Н. А. (2016). Искусство действия в городской среде // Городские исследования и практики. Т. 1. № 1. С. 39–55.
- Степанов А. В. (2016). Феноменология архитектуры Петербурга. СПб.: Арка.
- Топоров В. Н. (2003). Петербургский текст русской литературы. СПб.: Искусство.
- Хансен М. Б. Н. (2013). Новая философия для новых медиа // Савчук В. В. (ред.). Антология медиафилософии. СПб: Изд-во РХГА. С. 264–269.
- Харви Д. (2008). Право на город / Пер. с англ. А. Смирнова // Логос. № 3. С. 80–94.
- Хардт М., Негри А. (2006). Множество: война и демократия в эпоху империи / Пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева. М.: Культурная революция.
- Alfrey N., Daniels S. (eds.). (1990). Mapping the Landscape: Essays on Art and Cartography. Nottingham: University Art Gallery: Castle Museum.
- Alpers S. (1983). The Art of Describing: Dutch Art in the Seventeenth Century. Chicago: Chicago University Press.
- Appadurai A. (1995). The Production of Locality // Fardon R. (ed.) Counterworks: Managing the Diversity of Knowledge. London: Routledge. P. 204–255.
- Appadurai A. (1996). Modernity at Large: Cultural Dimensions of Globalization. Minneapolis: University of Minnesota Press.
- Arnason, J. P., Raaflaub K. A., Wagner P. (eds.). (2013). The Greek Polis and the Invention of Democracy: A Politico-Cultural Transformation and Its Interpretations. Chichester: Wiley-Blackwell.
- Avramidis K., Tsilimpounidi M. (eds.). (2017). Graffiti and Street Art: Reading, Writing and Representing the City. London: Routledge.
- Bird J., Curtis B., Putnam T., Tickner L. (eds.). (2012). Mapping the Futures: Local Cultures, Global Change. London: Routledge.
- Black J. (2000). Maps and History: Constructing Images of the Past. New Haven: Yale University Press.
- Brenner N., Schmid C. (2012). Planetary Urbanization // Gandy M. (ed.). Urban Constellations. Berlin: Jovis. P. 10–13.
- Brenner N., Schmid C. (2014). The «Urban Age» in Question // International Journal of Urban and Regional Research. Vol. 38. № 3. P. 731–755.
- Brickell K., Datta A. (eds.). (2011). Translocal Geographies: Spaces, Places, Connections. Burlington: Ashgate.
- Buckley M., Strauss K. (2016). With, against and beyond Lefebvre: Planetary Urbanization and Epistemic Plurality // Society and Space. Vol. 34. № 4. P. 617–636.
- Cosgrove D. (2005). Maps, Mapping, Modernity: Art and Cartography in the Twentieth Century // Imago Mundi. Vol. 57. № 1. P. 35–54.

- Cosgrove D.* (2008). Cultural Cartography: Maps and Mapping in Cultural Geography // *Annales de géographie*. № 2. P. 159–178.
- Cupples J., Thompson L.* (2010). Heterotextuality and Digital Foreplay // *Feminist Media Studies*. Vol. 10. № 1. P. 1–17.
- Czepczyński M., Sooväli-Sepping H.* (2016). From Sacrum to Profanum: Reinterpretation of Communist Places of Power in Baltic Cities // *Journal of Baltic Studies*. Vol. 47. № 2. P. 239–255.
- Dalby S.* (2007). The Pentagon's New Imperial Cartography // *Gregory D., Pred A.* (eds.). *Violent Geographies*. London: Routledge. P. 295–308.
- Day K.* (2014). *Faith on the Avenue: Religion on a City Street*. New York: Oxford University Press.
- de Souza M. L.* (2010). Which Right to Which City? // *Interface*. Vol. 2. № 1. P. 315–333.
- Dehaene M., De Cauter L.* (eds.) (2008). *Heterotopia and the City: Public Space in a Post-civil Society*. London: Routledge.
- Dikec M.* (2005). Space, Politics, and the Political // *Environment and Planning D: Society and Space*. Vol. 23. № 2. P. 171–188.
- Edlund J., Al Moubayed S., Beskow J.* (2011). The Mona Liza Gaze Effect as an Objective Metric for Perceived Cospatiality // *Vilhjálmsón H. H., Kopp S., Marsella S., Thorisson K. R.* (eds.). *Intelligent Virtual Agents: 11th International Conference, IVA 2011*. Heidelberg: Springer. P. 439–440.
- Elden S.* (2007). There is a Politics of Space because Space is Political. Henri Lefebvre and the Production of Space // *Radical Philosophy Review*. Vol. 10. № 2. P. 101–116.
- Ellin N.* (1999). *Postmodern Urbanism*. Princeton: Princeton Architectural Press.
- Engbersen G.* (2001). The Urban Palimpsest: Urban Marginality in an Advanced Society // *European Journal of Anthropology*. № 38. P. 125–138.
- England J.* (2001). *The Map is Not the Territory*. Part 1. London: England & Co.
- England J.* (2002). *The Map is Not the Territory*. Part 2. London: England & Co.
- Flatley J.* (2008). *Affective Mapping: Melancholia and the Politics of Modernism*. Cambridge: Harvard University Press.
- Freitag U., von Oppen A.* (eds.) (2010). *Translocality: The Study of Globalizing Processes from a Southern Perspective*. Leiden: Brill.
- Gil-Mastalerczyk J.* (2016). Unconscious Aspects of Sustainability in Modern and Post-modern Religious Architecture in Poland // *E3S Web of Conferences*. 10. 00107.
- Goonewardena K.* (2018). Planetary Urbanization and Totality // *Environment and Planning D: Society and Space*. Vol. 36. № 3. P. 456–474.
- Greiner C., Sakdapolrak P.* (2013). Translocality: Concepts, Applications and Emerging Research Perspectives // *Geography Compass*. Vol. 7. № 5. P. 373–384.
- Hale K. S., Stanney K. M.* (eds.) (2015). *Handbook of Virtual Environments: Design, Implementation and Applications*. Boca Raton: CRC Press.
- Hansen M. H.* (1998). *Polis and City-State: An Ancient Concept and Its Modern Equivalent*. Copenhagen: Munksgaard.

- Hanson R. S. (2016). *City of Gods: Religious Freedom, Immigration and Pluralism in Flushing, Queens*. Fordham: Fordham University Press.
- Harmon K. (2004). *You Are Here: Personal Geographies and Other Maps of the Imagination*. New York: Princeton Architectural Press.
- Harvey D. (1989). *The Conditions of Postmodernity: An Enquiry into the Origins of Cultural Change*. Oxford: Blackwell.
- Hillis K. (1994). The Power of Disembodied Imagination: Perspective's Role in Cartography // *Cartographica*. Vol. 31. № 3. P. 1–17.
- Huyssen A. (2003). *Present Pasts: Urban Palimpsests and the Politics of Memory*. Stanford: Stanford University Press.
- Indaco A., Manovich L. (2016). Urban Social Media Inequality: Definition, Measurements, and Application // *Urban Studies and Practices*. Vol. 1. № 1. P. 11–24.
- Jameson F. (1988). Cognitive Mapping // Nelson C., Grossberg L. (eds.). *Marxism and the Interpretation of Culture*. Urbana: University of Illinois Press. P. 347–358.
- Kehler M., Greig C. (2005). Reading Masculinities: Exploring the Socially Literate Practices of High School Young Men // *International Journal of Inclusive Education*. Vol. 9. № 4. P. 351–370.
- Kent A., Vujakovic P. (eds.). (2016). *The Routledge Handbook of Mapping and Cartography*. London: Routledge.
- Kimball R. (1992). «Heterotextuality» and Other Literary Matters // *Wall Street Journal*. December 31. P. 31.
- Knoepfel P., Gerber J.-D. (2008). *Institutional Landscape Regimes: An Approach to the Resolution of Landscape Conflicts*. Zurich: VDF.
- Korzybski A. (1994). *Science and Sanity: An Introduction to Non-Aristotelian Systems and General Semantics*. Brooklyn: Institute of General Semantics.
- Lee R., Castree N., Kitchin R., Lawson V., Paasi A., Philo Philo Ch., Radcliffe S., Roberts S. M., Withers Ch. W. J. (eds.). (2014). *The SAGE Handbook of Human Geography*. 2 Vols. London: SAGE.
- Leitner H., Sheppard E., Sziarto K. M. (2008). The Spatialities of Contentious Politics // *Transactions of the Institute of British Geographers*. New Series. Vol. 33. № 2. P. 157–172.
- Lewis M. W., Wigen K. (1997). *The Myth of Continents: a Critique of Metageography*. Berkeley: University of California Press.
- Livezey L.W. (2000). *Public Religion and Urban Transformation: Faith in the City*. New York: New York University Press.
- MacArthur J. (2016). *Cartography and the Political Imagination: Mapping Community in Colonial Kenya*. Athens: Ohio University Press.
- Manovich L. (2001). *The Language of New Media*. Cambridge: MIT Press.
- Marcuze P. (1995). Not Chaos, but Walls: Postmodernism and the Partitioned City // Watson S., Gibson K. (eds.). *Postmodern Cities and Spaces*. Oxford: Blackwell. P. 243–253.
- Mayer M. (1994). Post-Fordist City Politics // Amin A. (ed.). *Postfordism: A Reader*. Oxford: Blackwell. P. 316–337.

- Mayer M.* (2009). The «Right to the City» in the Context of Shifting Mottos of Urban Social Movements // *City*. Vol. 13. № 2/3. P. 362–374.
- Mouffe C.* (2005). *On the Political*. London: Routledge.
- Numrich P. D., Wedam E.* (2015). *Religion and Community in the New Urban America*. New York: Oxford University Press.
- Oosterlynck S.* (2010). Noise Reduction: The Postpolitical Quandary of Night Flights at Brussels Airport // *Environment and Planning A: Economy and Space*. Vol. 42. № 7. P. 1577–1594.
- O'Rourke K.* (2013). *Walking and Mapping: Artists as Cartographers*. Cambridge: MIT Press.
- Orsi R. A.* (ed.). (1999). *Gods of the City: Religion and the American Urban Landscape*. Bloomington: Indiana University Press.
- Pinder D.* (1996). Subverting Cartography: The Situationists and Maps of the City // *Environment and Planning A: Economy and Space*. Vol. 28. № 3. P. 405–427.
- Powell K. A.* (2008). Remapping the City: Palimpsest, Place, and Identity in Art Education Research // *Studies in Art Education*. Vol. 50. № 1. P. 6–21.
- Purcell M.* (2002). Excavating Lefebvre: The Right to the City and Its Urban Politics of the Inhabitant // *GeoJournal*. Vol. 58. № 2/3. P. 99–108.
- Ranciere J.* (2004). Introducing Disagreement // *Angelaki: Journal of the Theoretical Humanities*. Vol. 9. № 3. P. 3–9.
- Riggle N. A.* (2010). Street Art: The Transfiguration of the Commonplaces // *Journal of Aesthetics and Art Criticism*. Vol. 68. № 3. P. 248–257.
- Rogoff I.* (2000). *Terra Infirma: Geography's Visual Culture*. London: Routledge.
- Rozov N. S.* (2012). Geopolitics, Geoeconomics, and Geoculture: The Interrelation of Dynamic Spheres in the History of Russia // *Sociological Research*. Vol. 51. № 4. P. 67–90.
- Ruddick S.* (2015). Situating the Anthropocene: Planetary Urbanization and the Anthropological Machine // *Urban Geography*. Vol. 36. № 8. P. 1113–1130.
- Sinatti G.* (2008). The Making of Urban Translocalities: Senegalese Migrants in Dakar and Zingonia // *Smith M. P., Eade J.* (eds.). *Transnational Ties: Cities, Migrations, and Identities*. New Brunswick: Transaction. P. 61–76.
- Smith D. K.* (2008). *The Cartographic Imagination in Early Modern England: Re-Writing the World in Marlowe, Spenser, Raleigh and Marvell*. Aldershot: Ashgate.
- Smith M. P.* (2001). *Transnational Urbanism: Locating Globalization*. Oxford: Blackwell.
- Stewart L.* (1995). Bodies, Visions and Spatial Politics: A Review Essay of Henri Lefebvre's *The Production of Space* // *Environment and Planning D: Society and Space*. Vol. 13. № 5. P. 609–618.
- Sutton E. A.* (2015). *Capitalism and Cartography in the Dutch Golden Age*. Chicago: University of Chicago Press.
- Swyngedouw E.* (2007). Impossible «Sustainability» and the Postpolitical Condition // *Krueger R., Gibbs D.* (eds.). *The Sustainable Development Paradox: Urban Political Economy in the United States and Europe*. London: Guildford Press. P. 13–40.

- Swyngedouw E.* (2009). The Antinomies of the Postpolitical: In Search of a Democratic Politics of Environmental Protection // *International Journal of Urban and Regional Research*. Vol. 33. № 3. P. 601–620.
- Thompson N.* (ed.). (2009). *Experimental Geography: Radical Approaches to Landscape, Cartography and Urbanism*. New York: Melville House.
- Thor T.* (2015). #banksyinstockholm — The Politics of Street Art and Spatiality // *Observatorio (OBS*)*. Vol. 9. Special Issue. P. 23–46.
- Thrift N.* (2007). *Non-representational Theory: Space, Politics, Affect*. London: Routledge.
- Tobin R. D.* (1996). In and Against Nature: Goethe on Homosexuality and Heterotextuality // *Kuzniar A. A.* (ed.). *Outing Goethe and His Age*. Stanford: Stanford University Press. P. 94–110.
- Turchi P.* (2004). *Maps of the Imagination: The Writer as Cartographer*. San Antonio: Trinity University Press.
- Walker N. A.* (1990). *Feminist Alternatives: Irony and Fantasy in the Contemporary Novel by Women*. Jackson: University Press of Mississippi.
- Wallerstein I. M.* (1991). *Geopolitics and Geoculture: Essays on the Changing World-System*. New York: Cambridge University Press.
- Wilson J., Swyngedouw E.* (eds.). (2014). *The Post-Political and Its Discontents: Spaces of Depoliticization, Spectres of Radical Politics*. Edinburgh: Edinburgh University Press.
- Winichakul T.* (1994). *Siam Mapped: A History of the Geo-Body of a Nation*. Honolulu: University of Hawaii Press.
- Woodward D.* (ed.). (1987). *Art and Cartography: Six Historical Essays*. Chicago: University of Chicago Press.
- Zamyatin D.* (2014). Co-spatiality, Territorial Identity and Place: To the Comprehension of Postmodern Politics // *Mihaylov V.* (ed.). *Territories and Identities in Central, Eastern and Southeastern Europe*. Częstochowa: Instytut Geopolityki. P. 37–67.

Post-City (II): Cartographies of Imagination and Co-spatiality Politics

Dmitry Zamyatin

Chief Research Fellow, Vysokovsky Graduate School of Urbanism, National Research University Higher School of Economics

Address: Myasnitskaya str., 20, Moscow, Russian Federation 101100

E-mail: dzamyatin@hse.ru

From a methodological standpoint, a comprehensive study of post-urbanism implies a cognitive fixation of any spatial event as co-spatial. We can talk about the co-existence of different cognitive/ontological regimes in the post-urban reality, which themselves can also be called *co-spatial*. Co-spatialities, understood as communicative event nodes, can be considered as key elements in a

prototypical imagination map of post-urban space. Post-urban geo-cultures, producing a variety of cartographies of the imagination, are fundamentally heterotopic. Different communities become post-urban in forming their transversal cartographies of the imagination, constantly proliferate, become more and more co-spatial and, consequently, generate this post-politics which is aimed at accelerating a multiple dispersion of communicative events. Post-urban communities create post-political situations in which the cartographies of the imagination becomes the bases of new urban landscapes or new geo-cultures. The post-city develops practices and processes of heterotextuality when the texts of individual geo-cultures do not assume a common space of reading, a plan of value, or a plan of expression, and only comes into existence in terms of consistent landscape modulations immanent to imaginary cartographies. Any post-city cartography of imagination supports special landscape modes which create the realities of material and mental character. Any cartography of imagination can be thought of phenomenologically as the line becomes a particular identity of individuals and communities. Post-nomadic mobilities lead to the coexistence of multitudes of such cartographies whose event co-spatialities create a post-political communities, and manipulate differences of the “velocity” of multiple communicative discourses. The creation of new cartographies of imagination forms post-urbanism as an art of detailed co-spatialities.

Keywords: post-city, cartography, imagination, co-spatiality, geo-culture, hetero-textuality, identity, post-politics, community

References

- Abashev V. (2000) *Perm' kak text: Perm' v russkoy culture* I literature XX veka [Perm as Text: Perm in Russian Culture and Literature of the 20th Century], Perm: Perm University Press.
- Alfrey N., Daniels S. (eds.) (1990) *Mapping the Landscape: Essays on Art and Cartography*, Nottingham: University Art Gallery, Castle Museum.
- Alpers S. (1983) *The Art of Describing: Dutch Art in the Seventeenth Century*, Chicago: Chicago University Press.
- Anderson B. (2001) *Voobrazhaemii soobstchestva: razmyshleniya ob istokah i rasprostraneni nacionalizma* [Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism], Moscow: KANON-press-C, Kutchkovo pole.
- Appadurai A. (1995) The Production of Locality. *Counterworks: Managing the Diversity of Knowledge* (ed. R. Fardon), London: Routledge, pp. 204–255.
- Appadurai A. (1996) *Modernity at Large: Cultural Dimensions of Globalization*, Minneapolis: University of Minnesota Press.
- Arnason J. P., Raaflaub K. A., Wagner P. (eds.) (2013) *The Greek Polis and the Invention of Democracy: A Politico-Cultural Transformation and Its Interpretations*, Chichester: Wiley-Blackwell.
- Avramidis K., Tsilimpounidi M. (eds.) (2017) *Graffiti and Street Art: Reading, Writing and Representing the City*, London: Routledge.
- Baudrillard J. (2000) *Simvolitsheskij obmen i smert'* [Symbolic Exchange and Death], Moscow.: Dobrosvet.
- Baudrillard J. (2015) *Simulyakrii i simulyatsii* [Simulacres and Simulations], Moscow.: POSTUM.
- Bird J., Curtis B., Tim Putnam T., Tickner L. (eds.) (2012) *Mapping the Futures: Local Cultures, Global Change*, London: Routledge.
- Black J. (2000) *Maps and History: Constructing Images of the Past*, New Haven: Yale University Press.
- Brenner N., Schmid C. (2012) Planetary Urbanization. *Urban Constellations* (ed. M. Gandy), Berlin: Jovis, pp. 10–13.
- Brenner N., Schmid C. (2014) The “Urban Age” in Question. *International Journal of Urban and Regional Research*, vol. 38, no 3, pp. 731–755.
- Buckley M., Strauss K. (2016) With, against and beyond Lefebvre: Planetary Urbanization and Epistemic Plurality. *Society and Space*, vol. 34, no 4, pp. 617–636.
- Cosgrove D. (2005) Maps, Mapping, Modernity: Art and Cartography in the Twentieth Century. *Imago Mundi*, vol. 57, no 1, pp. 35–54.
- Cosgrove D. (2008) Cultural Cartography: Maps and Mapping in Cultural Geography. *Annales de géographie*, no 2, pp. 159–178.

- Cupples J., Thompson L. (2010) Heterotextuality and Digital Foreplay. *Feminist Media Studies*, no 10, pp. 1–17.
- Czepczyński M., Sooväli-Sepping H. (2016) From Sacrum to Profanum: Reinterpretation of Communist Places of Power in Baltic Cities. *Journal of Baltic Studies*, vol. 47, no 2, pp. 239–255.
- Dalby S. (2007) The Pentagon's New Imperial Cartography. *Violent Geographies* (eds. D. Gregory, A. Pred), London: Routledge, pp. 295–308.
- Day K. (2014) *Faith on the Avenue: Religion on a City Street*, New York: Oxford University Press.
- de Souza M. L. (2010) Which Right to Which City? *Interface*, vol. 2, no 1, pp. 315–333.
- Debord G. (2017) *Psihogeografiya* [Psychogeography], Moscow: Ad Marginem Press.
- Dehaene M., De Cauter L. (eds.) (2008) *Heterotopia and the City: Public Space in a Postcivil Society*, London: Routledge.
- Deleuze G., Guattari F. (2008) *Anti-Edip: kapitalizm i shizofreniya* [Anti-Oedipus: Capitalism and Schizophrenia], Ekaterinburg: U-Faktoriya.
- Deleuze G., Guattari F. (2010) *Tsyacha plato: kapitalizm i shizofreniya* [A Thousand Plateaus: Capitalism and Schizophrenia], Ekaterinburg: U-Faktoriya; Moscow: Astrel.
- Dikec M. (2005) Space, Politics, and the Political. *Environment and Planning D: Society and Space*, vol. 23, no 2, pp. 171–188.
- Edlund J., Al Moubayed S., Beskow J. (2011) The Mona Liza Gaze Effect as an Objective Metric for Perceived Cospatality. *Intelligent Virtual Agents: 11th International Conference, IVA 2011* (eds. H. H. Vilhjálmsson, S. Kopp, S. Marsella, K. R. Thorisson), Heidelberg: Springer, pp. 439–440.
- Elden S. (2007) There is a Politics of Space because Space is Political: Henri Lefebvre and the Production of Space. *Radical Philosophy Review*, vol. 10, no 2, pp. 101–116.
- Ellin N. (1999) *Postmodern Urbanism*, Princeton: Princeton Architectural Press.
- Engbersen G. (2001) The Urban Palimpsest. Urban Marginality in an Advanced Society. *European Journal of Anthropology*, no. 38, pp. 125–138.
- England J. (2001) *The Map is Not the Territory, Part 1*, London: England & Co.
- England J. (2002) *The Map is Not the Territory, Part 2*, London: England & Co.
- Flatley J. (2008) *Affective Mapping: Melancholia and the Politics of Modernism*, Cambridge: Harvard University Press.
- Gavrilov A. (2013) Mediareal'nost' kak tip virtual'noj real'nosti [Media-Reality as a Type of Virtual Reality]. *Historical, Philosophical, Historical and Legal Sciences, Cultural Studies and Art History*, no 11, pp. 45–47.
- Gil-Mastalerczyk J. (2016) Unconscious Aspects of Sustainability in Modern and Postmodern Religious Architecture in Poland. *E3S Web of Conferences*, 10, 00107.
- Goonewardena K. (2018) Planetary Urbanization and Totality. *Environment and Planning D: Society and Space*, vol. 36, no 3, pp. 456–474.
- Greiner C., Sakdapolrak P. (2013) Translocality: Concepts, Applications and Emerging Research Perspectives. *Geography Compass*, vol. 7, no 5, pp. 373–384.
- Hale K. S., Stanney K. M. (eds.) (2015) *Handbook of Virtual Environments: Design, Implementation and Applications*, Boca Raton: CRC Press.
- Hansen M. B. N. (2013) Novaya filozofiya dlya novih media [New Philosophy for New Media]. *Antologiya mediafilozofii* [Anthology of Media Philosophy] (ed. V. Savchuk), Saint Petersburg: RHGA, pp. 264–269.
- Hansen M. H. (1998) *Polis and City-State: An Ancient Concept and Its Modern Equivalent*, Copenhagen: Munksgaard.
- Hanson R. S. (2016) *City of Gods: Religious Freedom, Immigration and Pluralism in Flushing*, Fordham: Fordham University Press.
- Hardt M., Negri A. (2006) *Mnozhestvo: voina i demokratiya v epohu imperii* [Multitude: War and Democracy in the Age of Empire], Moscow: Kulturnaya revoliutsiya.
- Harmon K. (2004) *You are Here: Personal Geographies and Other Maps of the Imagination*, New York: Princeton Architectural Press.
- Harvey D. (1989) *The Conditions of Postmodernity: An Enquiry into the Origins of Cultural Change*, Oxford: Blackwell.
- Harvey D. (2008) Pravo na gorod [The Right to the City]. *Logos*, no 3, pp. 80–94.

- Hillis K. (1994) The Power of Disembodied Imagination: Perspective's Role in Cartography. *Cartographica*, vol. 31, no 3, pp. 1–17.
- Hoete A. (ed.) (2003) *ROAM: Reader on the Aesthetics of Mobility*, London: Black Dog.
- Huyssen A. (2003) *Present Pasts: Urban Palimpsests and the Politics of Memory*, Stanford: Stanford University Press.
- Indaco A., Manovich L. (2016) Urban Social Media Inequality: Definition, Measurements, and Application. *Urban Studies and Practices*, vol. 1, no 1, pp. 11–24.
- Jameson F. (1988) Cognitive Mapping. *Marxism and the Interpretation of Culture* (eds. C. Nelson, L. Grossberg), Urbana: University of Illinois Press, pp. 347–358.
- Kehler M., Greig C. (2005) Reading Masculinities: Exploring the Socially Literate Practices of High School Young Men. *International Journal of Inclusive Education*, vol. 9, no 4, pp. 351–370.
- Kent A., Vujakovic P. (eds.) (2016) *The Routledge Handbook of Mapping and Cartography*, London: Routledge.
- Kerimov T. (2011) *Bytie i razlichie: genealogiya i geterologiya* [Being and Difference: Genealogy and Heterology], Moscow: Academic Project.
- Kerimov T., Burbulis Y. (2015) Irreduktcionizm kak osnovnoj metodologicheskij printsip sovremennoj sotsial'noj ontologii [Irreductionism as the Basic Methodological Principle of Modern Social Ontology]. *Humanities, Socio-Economic and Social Sciences*, no 11-1, pp. 26–28.
- Kimball R. (1992) "Heterotextuality" and Other Literary Matters. *Wall Street Journal*, December 31, p. 31.
- Knoepfel P., Gerber J.-D. (2008) *Institutional Landscape Regimes: An Approach to the Resolution of Landscape Conflicts*, Zurich: VDF.
- Koolhaas R. (2015) *Gigantizm, ili Problema Bol'shogo. Gorod-generik. Musornoe prostranstvo* [Bigness or the Problem of Large. Generic City. Junkspace], Moscow: Artguide.
- Korzybski A. (1994) *Science and Sanity: An Introduction to Non-Aristotelian Systems and General Semantics*, Brooklyn: Institute of General Semantics.
- Kuznetsov V. (2003) *Geokultura: osnovi geokulturnoi dinamiki bezopasnosti v Mire XXI: Kultura-Set'* [Geo-culture: Fundamentals of Geocultural Dynamics of Security in the World 21: Culture-Network], Moscow: Kniga i biznes.
- Lee R., Castree N., Kitchin R., Lawson V., Paasi A., Philo Philo Ch., Radcliffe S., Roberts S. M., Withers Ch. W. J. (eds.) (2014) *The SAGE Handbook of Human Geography*, London: SAGE.
- Lefebvre H. (2015) *Proizvodstvo prostranstva* [The Production of Space], Moscow: Strelka Press.
- Leitner H., Sheppard E., Sziarto K. M. (2008) The Spatialities of Contentious Politics. *Transactions of the Institute of British Geographers. New Series*, vol. 33, no 2, pp. 157–172.
- Lewis M. W., Wigen K. (1997) *The Myth of Continents: A Critique of Metageography*, Berkeley: University of California Press.
- Livezey L.W. (2000) *Public Religion and Urban Transformation: Faith in the City*, New York: New York University Press.
- Lynch K. (1982) *Obraz goroda* [The Image of the City], Moscow: Stroyizdat.
- MacArthur J. (2016) *Cartography and the Political Imagination: Mapping Community in Colonial Kenya*, Athens: Ohio University Press.
- Manovich L. (2001) *The Language of New Media*, Cambridge: MIT Press.
- Manovich L. (2017) *Teorii soft-kulturi* [Theories of Software Culture], Nizhny Novgorod: Krasnaya Lastochka.
- Marcuze P. (1995) *Not Chaos, but Walls: Postmodernism and the Partitioned City. Postmodern Cities and Spaces* (eds. S. Watson, K. Gibson), Oxford: Blackwell, pp. 243–253.
- Mayer M. (1994) *Post-Fordist City Politics. Postfordism: A Reader* (ed. A. Amin), Oxford: Blackwell, pp. 316–337.
- Mayer M. (2009) The "Right to the City" in the Context of Shifting Mottos of Urban Social Movements. *City*, vol. 13, no 2-3, pp. 362–374.
- Mitin I. (2008) Mesto kak palimpsest [Place as Palimpsest]. *60 parallel*, no 4, pp. 20–25.
- Mouffe C. (2005) *On the Political*, London: Routledge.
- Nielsen F. S. (2004) *Glaz buri* [The Eye of the Storm], Saint Petersburg: Aleteya.
- Numrich P. D., Wedam E. (2015) *Religion and Community in the New Urban America*, New York: Oxford University Press.

- Oosterlynyck S. (2010) Noise Reduction: The Postpolitical Quandary of Night Flights at Brussels Airport. *Environment and Planning A: Economy and Space*, vol. 42, no 7, pp. 1577–1594.
- O'Rourke K. (2013) *Walking and Mapping: Artists as Cartographers*, Cambridge: MIT Press.
- Orsi R. A. (ed.) (1999) *Gods of the City: Religion and the American Urban Landscape*, Bloomington: Indiana University Press.
- Pinder D. (1996) Subverting Cartography: The Situationists and Maps of the City. *Environment and Planning A: Economy and Space*, vol. 28, no 3, pp. 405–427.
- Polyak V. (2004) *Izrail' i Rossiya v XXI veke: Geopolitika. Geoekonomika. Geokultura* [Israel and Russia in the 21st Century: Geopolitics. Geoeconomics. Geoculture], Tel-Aviv: L.I.L. Productions.
- Ponosov I. (2016) *Iskusstvo i gorod: graffiti, ulitchnoe iskusstvo, aktivizm* [Art and City: Graffiti, Street Art, Activism], Moscow.
- Powell K. A. (2008) Remapping the City: Palimpsest, Place, and Identity in Art Education Research. *Studies in Art Education*, vol. 50, no 1, pp. 6–21.
- Purcell M. (2002) Excavating Lefebvre: The Right to the City and Its Urban Politics of the Inhabitant. *GeoJournal*, vol. 58, no 2-3, pp. 99–108.
- Ranciere J. (2004) Introducing Disagreement. *Angelaki: Journal of the Theoretical Humanities*, vol. 9, no 3, pp. 3–9.
- Riggle N. A. (2010) Street Art: The Transfiguration of the Commonplaces. *Journal of Aesthetics and Art Criticism*, vol. 68, no 3, pp. 248–257.
- Rogoff I. (2000) *Terra Infirma: Geography's Visual Culture*, London: Routledge.
- Rozov N. S. (2012) Geopolitics, Geoeconomics, and Geoculture: The Interrelation of Dynamic Spheres in the History of Russia. *Sociological Research*, vol. 51, no 4, pp. 67–90.
- Ruddick S. (2015) Situating the Anthropocene: Planetary Urbanization and the Anthropological Machine. *Urban Geography*, vol. 36, no 8, pp. 1113–1130.
- Sennett R. (2002) *Padenie publichnogo cheloveka* [The Fall of Public Man], Moscow: Logos.
- Sinatti G. (2008) The Making of Urban Translocalities: Senegalese Migrants in Dakar and Zingonia. *Transnational Ties: Cities, Migrations, and Identities* (eds. M. P. Smith, J. Eade), New Brunswick: Transaction, pp. 61–76.
- Skibinskaya O., Khovrina T. (eds.) (2014) *Yaroslavskii text v prostranstve dialoga kultur: materiali mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (Yaroslavl', 15–16 aprelya 2014 g.)* [Yaroslavl Text in the Space of Dialogue of Cultures: Proceedings of the International Scientific Conference (Yaroslavl, April 15–16, 2014)], Yaroslavl: RIO YaGPU.
- Smirnov N. (2016) *Iskusstvo deistviya v gorodskoj srede* [Art of Action in the Urban Environment]. *Urban Studies and Practices*, vol. 1, no 1, pp. 39–55.
- Smith D.K. (2008) *The Cartographic Imagination in Early Modern England: Re-Writing the World in Marlowe, Spenser, Raleigh and Marvell*, Aldershot: Ashgate.
- Smith M. P. (2001) *Transnational Urbanism: Locating Globalization*, Oxford: Blackwell.
- Stepanov A. (2016) *Fenomenologia arhitekturi Peterburga* [Phenomenology of the Architecture of St. Petersburg], Saint Petersburg: Arka.
- Stewart L. (1995) Bodies, Visions and Spatial Politics: A Review Essay of Henri Lefebvre's *The Production of Space*. *Environment and Planning D: Society and Space*, vol. 13, no 5, pp. 609–618.
- Sutton E. A. (2015) *Capitalism and Cartography in the Dutch Golden Age*, Chicago: University of Chicago Press.
- Swyngedouw E. (2007) Impossible "Sustainability" and the Postpolitical Condition. *The Sustainable Development Paradox: Urban Political Economy in the United States and Europe* (eds. R. Krueger, D. Gibbs), London: Guildford Press, pp. 13–40.
- Swyngedouw E. (2009) The Antinomies of the Postpolitical: In Search of a Democratic Politics of Environmental Protection. *International Journal of Urban and Regional Research*, vol. 33, no 3, pp. 601–620.
- Thompson N. (ed.) (2009) *Experimental Geography: Radical Approaches to Landscape, Cartography and Urbanism*, New York: Melville House.
- Thor T. (2015) #banksyinstockholm: The Politics of Street Art and Spatiality. *Observatorio (OBS*)*, vol. 9, special no, pp. 23–46.
- Thrift N. (2007) *Non-representational Theory: Space, Politics, Affect*, London: Routledge.

- Tobin R. D. (1996) *In and Against Nature: Goethe on Homosexuality and Heterotextuality. Outing Goethe and His Age* (ed. A. A. Kuzniar), Stanford: Stanford University Press, pp. 94–110.
- Toporov V. (2003) *Peterburgskii text russkoj literature* [Petersburg Text of Russian Literature], Saint Petersburg: Iskustvo.
- Turchi P. (2004) *Maps of the Imagination: The Writer as Cartographer*, San Antonio: Trinity University Press.
- Vernant J.-P. (1988) *Proishozhdenie drevnegrecheskoi misli* [The Origin of Ancient Greek Thought], Moscow: Progress.
- Virno P. (2013) *Grammatika mnozhestva: k analizu form sovremennoj zhizni* [A Grammar of the Multitude: To the Analysis of Forms of Modern Life], Moscow: Ad Marginem Press.
- Walker N. A. (1990) *Feminist Alternatives: Irony and Fantasy in the Contemporary Novel by Women*, Jackson: University Press of Mississippi.
- Wallerstein I. M. (1991) *Geopolitics and Geoculture: Essays on the Changing World-System*, New York: Cambridge University Press.
- Wilson J., Swyngedouw E. (eds.) (2014) *The Post-Political and Its Discontents: Spaces of Depoliticization, Spectres of Radical Politics*, Edinburgh: Edinburgh University Press.
- Winichakul T. (1994) *Siam Mapped: A History of the Geo-Body of a Nation*, Honolulu: University of Hawaii Press.
- Wolff L. (2003) *Izobretaya Vostochnuu Evropu: karta tsivilizatsii v soznanii epohi Prosvestcheniya* [Inventing Eastern Europe: The Map of Civilization on the Mind of the Enlightenment], Moscow: New Literary Observer.
- Woodward D. (ed.) (1987) *Art and Cartography: Six Historical Essays*, Chicago: University of Chicago Press.
- Zamkov A. (2017) O virtual'nom rasshirenii mediareal'nosti [About Virtual Extension of Media-Reality]. *Mediascope*, vol. 3. Available at: <http://www.mediascope.ru/2351> (accessed 21 March 2019).
- Zamyatin D. (2002) Geokultura: obraz i ego interpretatsii [Geo-Culture: Image and Its Interpretations]. *Sociological Journal*, no 2, pp. 5–12.
- Zamyatin D. (2011) Novie ontologii prostranstva: prostranstvennost', soprostranstvennost' i geospatsializm [New Ontologies of Space: Spatiality, Co-spatiality and Geo-Spatialism]. *Man*, no 6, pp. 70–82.
- Zamyatin D. (2012) Soprostranstvennost' i identichnost' [Co-spatiality and identity]. *Mir psikhologii*, no 1, pp. 104–123.
- Zamyatin D. (2012) Soprostranstvennost' i identichnost' [Co-spatiality and Identity]. *Politicheskaya identichnost' i politika identichnosti. Vol. 1. Identichnost' kak kategoriya politicheskoi nauki* [Political Identity and Politics of Identity, Vol. 1: Identity as a Category of Political Science] (ed. I. Semenenko), Moscow: ROSSPEN, pp. 158–162.
- Zamyatin D. (2012) Soprostranstvennost' i territorialnie identichnosti v politicheskom proekte Moderna [Co-spatiality and Territorial Identities in the Political Project of Modernity]. *Politicheskaya identichnost' i politika identichnosti. T. 2: Identichnost' i sotsial'no-politicheskie izmeneniya v XXI v.* [Political Identity and Politics of Identity, Vol. 2: Identity and Socio-Political Changes in the 21st Century] (ed. I. Semenenko), Moscow: ROSSPEN, pp. 430–450.
- Zamyatin D. (2014) Soprostranstvennost', territorialnaya identichnost' i mesto: k ponimaniu politik postmoderna [Co-spatiality, Territorial Identity and Place: To the Comprehension of Postmodern Politics]. *Territories and Identities in Central, Eastern and Southeastern Europe* (ed. V. Mikhailov), Czestochowa: Instytut Geopolityki, pp. 37–67.
- Zamyatin D. (2016) Postnomadizm: prostranstvennie antropologii puteshestvij [Post-Nomadism: A Spatial Anthropologies of Travels]. *Ural Historical Journal*, no 2, pp. 17–26.
- Zamyatin D. (2018) Postgorod: prostranstvo i ontologicheskie modeli voobrazheniya [Post-City: Space and Ontological Models of Imagination]. *Political Studies*, no 3, pp. 147–165.
- Zamyatin D., Romanova E. (eds.) (2017) *Geokulturi Arktiki: metodologiya analiza i prikladnie issledovaniya* [Geo-Cultures of Arctic: Methodology of Analysis and Applied Research], Moscow: Kanon+.
- Žižek S. (2014) *Tschekotlivii sub'ekt: otsutstvuuuchii tsentr politicheskoi ontologii* [The Ticklish Subject: The Absent Centre of Political Ontology], Moscow: Delo.